
ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК.398.2 (= 512.157)

А. И. Гоголев

ИНДОЕВРОПЕЙСКИЕ СВЯЗИ В ФОРМИРОВАНИИ ДРЕВНЕТЮРКСКОЙ КУЛЬТУРЫ (на этнокультурном языковом материале тюркоязычных народов Сибири)

Рассмотрены вопросы влияния индоевропейцев на формирование древнетюркской культуры. Данная проблема до настоящего времени фактически не получила разработки. Поэтому целью настоящей статьи является попытка осветить истоковые связи между древними индоевропейцами и пратюрками. Эти связи также мотивированы тем, что в пределах IX-VI тыс. до н. э. индоевропейская, афразийская, картвельская, дравидийская, уральская и алтайская языковые семьи представляли одну древнейшую ностратическую языковую общность.

Для решения поставленной цели использованы языковые, археолого-этнографические, фольклорные и частично антропологические материалы по ираноязычным, древнетюркским племенам Южной Сибири и современной Северо-Западной Монголии преимущественно на уровне I тыс. до н. э. Кроме того, в статье использованы палеоэтнологические сведения по традиционной культуре тюркоязычных народов Сибири.

По этим материалам, по мнению автора, истоки этногенеза древних тюрков прослеживаются в общей региональной культуре ранних кочевников Евразийских степей, в северо-западной части современной Монголии и на территории Южной Сибири. В их недрах постепенно происходило сложение пратюркской среды в условиях существования скифо-сибирского степного культурного единства (VIII-III вв. до н. э.) и фактически продолжавшегося в последующее гунно-сарматское время (конец III в. до н. э.-V в. н. э.). Основными представителями раннекочевнического мира на указанных территориях (до III в. до н. э.) являлись североиранские (скифо-сарматские) племена. Поэтому в формирующейся пратюркской среде индоевропейские племена скифо-сибирской эпохи оказали определенное влияние.

Приводимый в статье комплексный анализ материала приводит к выводу о том, что скифо-сибирские индоевропейские истоки в этногенезе древних тюрков и этнически связанных с ними тюркоязычных народов Сибири оказали заметную роль и стали их формативной базой. Это проявляется в материальной культуре, в основе «коневодческой» мифологии и части религиозных представлений, в истоках погребального обряда с конем. Эти истоки повлияли также на древнетюркскую лексику. А сама скифо-сибирская эпоха, являясь частью древней индоевропейской общности, представляла ответвление древней степной индоиранской этнокультуры.

Ключевые слова: Саяно-Алтайское нагорье, Центральная Азия, древние индоевропейцы, пратюрки, тюркоязычные народы Сибири, якуты, скифо-сибирская и древнетюркская эпохи, мифология якутов, тенгри.

ГОГОЛЕВ Анатолий Игнатьевич – д. и. н., профессор кафедры всемирной истории и этнологии СВФУ им. М. К. Аммосова, вице-президент Академии наук РС (Я).

E-mail: anrsya@mail.ru

GOGOLEV Anatoly Ignatyevich – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of World History and Ethnology of the M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, vice-president of Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia).

E-mail: anrsya@mail.ru

Indo-European Origins in the Formation of the Ancient Turkic Culture

The report discusses the impact of the Indo-Europeans on the formation of the ancient Turkic culture. The considered problem received practically no development. Therefore, the aim of this report is an attempt to show the links between the ancient Indo-Europeans and ancient Turkic tribes. These links are also motivated by the fact that within 9-5 thousand years BC Indo-European, Afro-Asiatic, Kartvelian, Dravidian, Uralic and Altaic language families represented one ancient Nostratic linguistic community.

In order to achieve this goal there were used archaeological, ethnographic, linguistic, folklore materials and partly physical anthropology data on Iranian-speaking and pra-Turkic tribes of southern Siberia and contemporary Northwest Mongolia mainly during the 1st millennium BC. In addition, the report used paleo-ethnological information on the traditional culture of Turkic peoples of Siberia.

On these materials according to the author the origins of the ancient Turks ethnogeny traced to a common regional culture of the early nomads of the Eurasian steppes in the north-western part of present-day Mongolia and Southern Siberia. In this area there was a gradual formation of pra-Turkic environment in the conditions of existence of the Scythian-Siberian steppe cultural unity (8-3 century BC) and virtually continued in subsequent Hun-Sarmatian time (end of the 3rd century BC - 5th century AD). The main representatives of early nomadic world in these areas were North Iranian (Scythian-Sarmatian) tribes. Therefore, in the emerging environment Indo-European tribes of the Scythian-Siberian era had certain influence.

The complex material given in the report leads to a conclusion that the Scythian-Siberian Indo-European origins in the ethnogenesis of the ancient Turks and ethnically related Turkic peoples of Siberia had a prominent role and became their formative base. This is manifested in the elements of the material culture, horse-breeding based mythology, religious beliefs and the origins of the funeral rite with a horse. These factors also contributed to the Old Turkic language. And the Scythian-Siberian era is part of the ancient Indo-European community, represented by the Indo-Iranian branch of the ancient steppe ethnic culture.

Key words: Sayano-Altaysky uplands, Central Asia, The ancient Indo-Europeans, pratyurki, Turkish-speaking nations of Siberia, Yakutat people, Scythian-Siberian and ancient Turkic era, Yakutat mythology, tengri.

Введение

Происхождение древнетюркских племен до сих пор остается актуальной проблемой. Но, как рассуждали древние, «в одном есть и то, что мы знаем, и то, чего мы не знаем». Поэтому предлагаемая статья посвящена тому, «что мы не знаем» или, вернее, «мало что знаем». Но с другой стороны, известно, что этногенез любого народа (в данном случае древнетюркских племен) протекал длительное время во взаимодействии разновременных и разнородных процессов. Исходя из этого, процесс формирования древнетюркской культуры нужно разделить на два условных этапа – формативный (истоки этногенеза) и исторический (формирование этноса).

На формативном этапе создавались предпосылки компонентов будущей этнокультуры. С этой точки зрения истоки этногенеза древних тюрков прослеживаются в общей региональной культуре ранних кочевников Евразийских степей в западной части современной Монголии и южных районах Сибири. В их недрах постепенно происходило сложение пратюркской этноязыковой общности, в основном в условиях существования скифо-сибирского степного культурного единства (VII-III вв. до н. э.), фактически продолжавшегося и в последующее гунно-сарматское время (конец III в. до н. э. - V в. н. э.).

Основными представителями раннекочевнического населения степей являлись североиранские (скифо-

сарматские) племена. Поэтому на формирование пратюркской культуры определенное влияние оказывали ираноязычные этногруппы скифо-сибирской эпохи. Но до настоящего времени данная проблема еще не стала предметом специального исследования, хотя некоторые исследователи вскользь отмечали значимость данного времени в формировании древнетюркской эпохи [1-4]. Исходя из этого, целью настоящей работы является более аргументированная попытка показа роли скифо-сибирской эпохи в культурогенезе древних тюрков.

1. Этнокультурная панорама Южной Сибири и северо-запада Монголии во II тыс. до н. э. до середины I тыс. н. э.

В изучении этногенетических процессов одной из интересных и необходимых проблем является выявление субстратных компонентов, участвовавших в формировании любого этноса или группы родственных народов. При этом следует учесть сложность абсолютного определения точки отсчета этногенеза, тем более во многих случаях предпосылки этногенеза брали свое начало от разных языковых и историко-культурных общностей.

Тюркские народы по языковой классификации относятся к алтайской семье, состоящей из трех языковых групп: тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской (континентальные языки) и корейско-японской. При этом алтайская семья языков является

подгруппой ностратической макросемьи, внутри которой она характеризуется особой близостью с уральской и дравидийской семьями.

Праалтайская языковая общность существовала до VI-V тыс. до н. э., т. е. в условиях неолита. В IV-III вв. до н. э. происходит распад алтайской семьи на три вышеуказанные языковые группы (эпоха энеолита) [5]. При формировании каждой группы языков на них, несомненно, оказывали влияние разные языки из сопредельных территорий. Например, в I тыс. до н. э. предки современных монгольских народов, как предполагают исследователи, обитали в верховьях Амура в соседстве с тунгусоязычными. Тогда же, по всей вероятности, складываются дифференцирующие фонетические особенности тюркских, монгольских языков.

Благодаря топонимистическим исследованиям устанавливается дальнейший ареал формирования носителей монгольских языков в восточных районах Центральной Азии, каковым являются степные и лесостепные районы Центральной и Восточной Азии [6]. Местом становления древних тюрков, вероятно, являлись Саяно-Алтайское нагорье и северные районы Западной Монголии. Эти места с рубежа III-II тыс. до н. э. были заселены преимущественно европеоидными племенами. Иными словами, родина древних тюрков – это северо-западная часть Центрально-Азиатского плато, между горами Алтая и северной частью Хинганского хребта [7]. А лингвистическая реконструкция названий деревьев локализует прародину тюрков на Ордосе, расположенном на правой части р. Хуанхэ (излучина на среднем течении) [8]. Предполагается, что первое расщепление тюркской группы произошло с выделением болгарской группы, что по глоттохронологическим определениям времени совпадает с датировкой начальных сведений о хунну (гуннах) в китайских источниках в IV-III вв. до н. э. [8]. В целом распад пратюркской общности завершается по глоттохронологии в начале нашей эры.

По мнению С. Г. Кляшторного и Д. Г. Савинова, ранний период этнической истории древних тюрков начинался с III в. н. э. и проходил в среде ираноязычного населения Восточного Туркестана [9]. Суйская летопись называет тюгу (тюрков) народом смешанного происхождения, отмечая, что в число их предков входили хунну и что их обычаи такие же, как у хунну. [10]. После 460 г. тюрки переселились в Южный Алтай, где в их состав вошли некоторые местные племена Саяно-Алтая. В дальнейшем, усилившись за счет тюркоязычных телесских племен, они сокрушили в 552 г. объединение жужжаней. Это привело к созданию Первого тюркского каганата, ознаменовавшего собой начало Древнетюркской эпохи (VI-X вв.).

Саяно-Алтайское нагорье, Минусинская котловина

(Южная Сибирь) и западные районы Монголии, часть территории будущего Первого древнетюркского государства, с рубежа III-II тыс. до н. э. стали заселять пришлые европеоидные племена, частично ассимилируя местных монголоидов. Так, носители афанасьевской археологической культуры Южной Сибири имели вероятную связь с населением древнеямной (Восточная Европа) и кельтеминарской (Средняя Азия) культур Средней Азии, т. е. ранними представителями индоевропейской языковой семьи. А в последующее время племена андроновской культуры, заселившие Минусинскую котловину и ближайшие к ней районы Алтая в XVII-XIII вв. до н. э., считаются индоарийцами [11]. Их сменили карасукцы (XII-VII вв. до н. э.), в формировании которых частично принимало участие население Северо-Западного Китая. Но, несмотря на заметную инфильтрацию монголоидных элементов, у карасукцев по-прежнему преобладала европеоидность. Такое антропологическое состояние продолжается в Минусе в VII-II вв. до н. э. в связи с приходом населения из западных областей Казахстана и Средней Азии, предположительно ираноязычных тохаров [12-13].

В I тыс. до н. э. Южная Сибирь и северо-запад Монгольских степей переживали скифо-сибирскую эпоху. В Туве раннескифское время представлено адыбельской культурой (VII-V вв. до н. э.), сходной с майэмирской на Алтае и тасмолийскими памятниками Казахстана. А в V-III вв. до н. э. в Саяно-Алтайское нагорье проходит поздний этап скифо-сибирской эпохи: саглынская культура в Туве и пазырыкская – на Алтае. По языку население этих культур считается индоевропейским, предположительно сакским. Отчасти это подтверждается материалами топонимики Горного Алтая и Верхней Оби, где обнаружен древний иранский пласт сакского, хотано-сакского происхождения. Притом сакские топонимы концентрируются в районе пазырыкских курганов [14-15]. Об ираноязычности населения Саяно-Алтая скифо-сибирской эпохи дополнительно могут свидетельствовать и антропологические материалы из Южной Сибири и запада Монголии. В частности выявлено краниологическое родство, например, карасукцев с памиро-ферганским типом европеоидов этого времени, т. е. с ираноязычным населением Средней Азии, Афганистана скифского времени [16]. Все это может говорить о том, что отдаленные предки древних тюрков, начиная с рубежа III-II тыс. до н. э., по всей вероятности, жили в соседстве с древними индоевропейцами.

Выше были приведены языковые данные по определению прародины древнетюркского этноса – это северо-западная часть Центрально-Азиатского плато, между горами Алтая и северной частью Хинганского хребта. Археологические данные

Н. А. Новгородовой местом формирования древних тюрков определили территорию Южной и Юго-Западной Монголии. Свое предположение она построила на собственном археологическом материале. В частности ею зафиксирован памятник в Гоби-Алтайском районе Монголии, где прослежены корни древнетюркской традиции установления балбалов. Здесь обнаружен жертвенник, состоящий из двух рядов «оленных камней», завершающийся длинными рядами необработанных каменных стел [17]. До рубежа н. э., судя по археологическим данным, в культуре населения Юго-Западной Монголии прослеживаются элементы культур иранского (сако-скифского) и прототюркского этносов.

Языковые данные (прежде всего лексические реконструкции) дают представления о пратюркском этносе как народе скотоводов отгонного типа, с преобладающим значением коневодства, с двумя типами поселений – стационарными зимними и кочевыми летними. Природные условия, где обитали они, по пратюркской лексике соответствуют широкому району от степей Восточного Туркестана до Алтая. Достаточную развитость пратюрков показывают земледельческие и ремесленные термины. По тем же данным, они жили в эпоху вождества, т. е. в предгосударственном обществе с имущественной дифференциацией и довольно развитой торговлей. А верования находились на уровне т. н. племенных религий. Вся эта картина мира по времени соответствует в широком плане методу глоттохронологии I тыс. до н. э., т. к. распад пратюркской общности, как отмечено выше, датируется рубежом нашей эры.

В пратюркское время прослеживаются контакты с китайцами (эпоха позднедревнекитайского и среднекитайского языков). Выявляются контакты с индоевропейскими языками – тохарским (причем, как считают Э. Р. Тенишев и А. В. Дыбо, массированное заимствование происходило скорее из пратюркского в новотохарский) и иранским. Основная часть древних иранизмов «имеет не пратюркский, а межтюркский характер, т. е. заимствования происходили уже раздельно в разделенные диалекты» [8] (на протяжении I тыс. н. э.).

Следует в этой связи уточнить, что процесс формирования индоевропейского населения евразийских степей начался со второй половины III тыс. до н. э., когда сложилась, по В. И. Абаеву, арийская общность. В первой половине II тыс. до н. э. произошло разделение этой общности на протоиранскую и протоиндоарийскую ветви. Дальнейшая дифференциация этого процесса привела к обособлению северо-иранской (скифо-сарматской) группы от южноиранской (первая половина I тыс. до н. э.) [18-19]. Следовательно, в скифо-сибирское время прото-

тюркский комплекс в основном формируется на двух конкретных пунктах – в регионе Монгольского Алтая и в Горном Алтае Южной Сибири.

2. Языковые свидетельства влияния индоиранской лексики на древнетюркские языки

Анализ лексики тюркских языков, в особенности древнейшего их пласта, свидетельствует о том, что большое число скотоводческих терминов заимствовано тюрками из индоевропейских, главным образом, из иранских языков. Но некоторые из них, видимо, следует отнести к древней мезолитической эпохе ностратической языковой общности. Д. Е. Еремеев отметил, что к индоевропейским заимствованиям в древнетюркском языке, происшедшем до VI в. н. э., восходят и некоторые социально-политические термины: *бага* «витязь» = авестийское (в дальнейшем – авес.) и ведическое (в дальнейшем – вед.) *бага* «бог», божественный, «господин»; *ягбу* «князь» = кушанское (в дальнейшем – кушан.) *обуга*; *шад* «воевода» = согдийское (в дальнейшем – согд.) *хшад* и древнеиндийское (в дальнейшем – др.инд.) *кшатр* «воин»; *ишбара* «наместник» = санскритское (в дальнейшем – санск.) *ишбара* «наместник», иранское (в дальнейшем – иран.) *ташбара* «всадник» [3, с. 13-133]. А. В. Дыбо приводит 11 возможных восточноиранских заимствований в пратюркский язык, среди которых два термина, связанных с титулатурой: *darkan* и *qayan* [20].

Заимствования из индоиранской лексики обнаружены и в якутском языке. Следует напомнить, что якутский язык, наряду с булгарским и чувашским, относится к числу древнейших тюркских наречий. Такого мнения придерживались О. Бетлингк, В. Л. Котвич, С. Е. Малов, Н. А. Баскаков, Е. И. Убрятова, А. М. Щербак и др. [21]. Якутские аналоги Е. С. Сидоров почти целиком относит к архаической лексике эпоса – олонхо и ритуальных песен. Интересно то, что среди этих параллелей превалируют индоарийско-якутские. Притом санскритские параллели преимущественно исходят из древнего ведического источника, восходящего к древнейшему индоевропейскому праязыку. Таких параллелей в якутском языке более двухсот основ и корней. Приведем некоторые языковые параллели бытового характера: санск. *sik* – «брызгать» = як. *сиик* – «роса, сырость»; санск. *smil* «моргать» = як. *сим, симириннэ* «моргать»; санск. *tosa* «удовлетворение» = як. *туха* «польза»; санск. *akaoi* «глупый» = як. *акаары* «глупый, недалекий»; санск. *aias* «неутомимый» = як. *айаас* «резвый, необъезженный конь»; санск. *is* «сок, напиток» = як. *ис* «пить, пей»; санск. *ud* «вода, волна» = як. *уу* «вода»; санск. *osth* «губы» = як. *уос* «губы»; санск. *kathin* «твердый, крепкий, закаленный» = як. *хатан* «твердый, закаленный»; санск. *kan* «быть довольным» = як. *хан* «быть довольным», санск. *vis* «община, род» =

як. *биис* «племя»; санск. *dhenu* «корова», як. *тингэһэ* «трехтравая корова» [22, с. 4-21; 21, с. 25]. Следует подчеркнуть, что якутский язык сохранил «черты доогузо-кыпчакского пратюркского состояния» [23, с. 116].

Эти лексические параллели можно было бы датировать второй половиной II тыс.–середины I тыс. до н. э., т. к. санскрит, своеобразная латынь Индостана оформляется с середины I тыс. до н. э. на базе ведийского языка, временем становления которого считается вторая половина II тыс. до н. э., это язык культовой поэзии, религиозно-философской комментарской прозы [24]. В свою очередь ведийский восходит к древнейшему индоевропейскому праязыку. При этом якутские аналоги санскритских лексем, как отмечалось выше, почти целиком относятся к архаической лексике эпоса и ритуальных песен, многие из них в обыденной речи уже вышли из употребления [22].

«Бесписьменный тюркский праязык, – пишет Е. С. Сидоров, – не мог перенимать слова из письменного классического санскрита. Заимствования могли произойти на уровне праязыков: ведийского или, вернее доведийского древнеиндийского (древнеиндоевропейского) и какого-то древнейшего тюркского праязыка» [22, с. 8]. В этом Е. С. Сидорова убедило большое количество дравидийских слов в санскрите со ссылкой на труд Т. Барроу, где приводится список в 108 слов дравидийских заимствований в санскрите [25]. А начало языковых контактов между индоариями и дравидийцами относится, по крайней мере, к XV–XIII вв. до н. э. [26]. Зоной контактов признаются Пенджаб или районы Северо-Западной Индии. «Источником санскритско-якутских сходжений, – делает вывод Е. С. Сидоров, – мы считаем тюркский праязык – язык сюнну. Время – I тысячелетие до н. э.» [22, с. 26].

В связи с этим напрашивается вопрос: почему именно якутский язык сохранил такие языковые архаизмы? Вероятно, ответ на этот вопрос может дать метод лингвогеографических исследований, предложенный итальянским филологом М. Бартоли. Он установил, что более архаические стадии языка сохраняются в изолированных областях, т. е. в периферийных географических ареалах. В нашем случае таковым является Якутия.

Как вскользь отмечалось выше, в формировании древнетюркской этнической среды несомненную роль сыграли индоевропейские племена. Это же отметили С. Г. Кляшторный и Д. Г. Савинов: этническая история прототюрков отмечена синтезом двух групп населения Центральной Азии – алтайско-тюркской (монголоидной) и индоевропейской (европеоидной).

Основываясь на этой методической установке, отметим, что кроме якутско-арийских параллелей

имеются аналогичные параллели между якутским и иранскими языками. Так, якутское слово *aap* означает сакральную чистоту, благородство, божество [27, стб. 151]. Любопытно связать *aap* с древнеиранским *aru* «благородный». Осетинское *apd* «божество» (осетины считаются остатками скифов); як. *айыы* «творение, общее название творцов-создателей, авест. *aya* «жизненная сила» = санск.-иран. *aju* «живое существо»; др.иран. *sur=sura* «сильный» = як. *сур* «духовная сила человека»; авест. *kavi* «мудрый, ясновидец, шаманствующий, жрец, запевающий при совершении жертвоприношений, = як. *кэб=кэн* «жребий, участь»; *кэбин* «предсказывающий свою участь»; авест. *jata* «божество» = як. *сана* (тюрк. *яда*) «магический камень, изменяющий погоду»; др.-иран. *urj* «пища, сила, изобилие» = як. *уруй* «мольба о благополучии, выражение радостного настроения, союзный боевой клич «даруй»; авест. *aosta* «губа» = як. *уос* «губа»; иран. *mani* «ожерелье»; авест. *manaosti* «шея, затылок» = як. *монньу* «шея»; тюрко-якут. *am* «конь», видимо, произошло от др.иран. *atja* «конь»; авест. *hapta* «семь» = як. *сэттэ* «семь»; авест. *srva* «рог» = як. *сырбат* «ударять»; иран. *nadis* «овчарня, загон для скота» = як. *наадьы* «кум, кума, опекун» = як. *Наадьы Ньаха* «хозяйка, дух скотского хлева, богиня – охранительница скота вообще»; иран. *kata* «землянка» = як. *хотон* «хлев»; авест. *vida* «жилище типа нарты» = як. *бүтэй* «забор, цельный, глухоустроенный»; др.иран. *atain* наставлять = як. *амаан тыл*, слова наставительного, назидательного характера [21, с. 23-24]. Кроме того, в якутском языке давно выявлены и другие заимствования из санскрита, а также около 10 заимствований из иранского (фарсизмы): *аахта*, *баабыр*, *барга*, *болот*, *сандалы*, *сана*, *чагар*, *этэннэ*, *сарай*, *кудай*, *бадьан*, которые также встречаются в языках других тюрко-монгольских народов. К ним следует отнести также якутско-тюркские *содох* «налучник, колчан»; от др.иран. *saxtak* со значением «снаряжение» и от авест. *saxta* (осетинское *sata* «класть» [21, с. 34]. С ними также сопоставимо якутское *саахтаа* «класть, испражняться; *саадах* «налучник».

Эти ранние языковые заимствования в пратюркской среде, сохранившиеся в якутском языке, находят частично подтверждение в предположении иммуногенетика В. В. Фефеловой о наличии общего древнего предка у якутов и хинди Индостана в лице древних ариев. Дело в том, что В. Фефелова обнаружила в составе крови этих народов общие антигены HLA-AT и HL A – B 17. В этом плане тюркоязычные предки якутов, возможно, представляли часть пратюркской общности, сохранившей следы древних контактов с индоиранскими языками в эпоху скифо-сибирского периода или еще до этого.

По мнению В. В. Фефеловой, древний европеоид-

ный пласт («арийский») принимал участие в этногенезе якутов, «но в настоящее время скрыт более поздним монголоидным населением...» [29, с. 11].

Интересно также и то, что в волосах 60 % якутов встречается пигмент феомеланина, высокий процент которого содержится в волосах европеоидок.

3. Свидетельства влияния скифо-сибирской эпохи на формирование традиционной культуры древних тюрков

Происхождение древнетюрко-индоевропейских культурно-языковых связей, по предположению Д. Е. Еремеева, схематично выглядит следующим образом: пратюркские племена охотников ассимилируют часть саков – «туров с быстрыми конями», переняв их этноним и навыки кочевничества (об этом говорят скотоводческие термины иранского происхождения). Но при этом сохранив свой тюркский язык, обогащенный иранской лексикой. Кроме того, наблюдается преемственность многих черт культуры древних тюрков от эпохи скифо-сибирского этапа. Так, некоторые элементы скотоводческого хозяйства скифов Алтая передавались последующим поколениям обитателей степной полосы Центральной Азии и Южной Сибири [30-31]. На Алтае, в Туве, Хакасии они проявляются, например, в способе доения кобыл с применением костяных трубочек, описанных еще Геродотом у скифов Причерноморья. В качестве намордников у тюркоязычных народов Сибири использовались специальные дощечки с острыми зубчатыми концами, поддеваемые на мордочки телят [32]. К этим параллелям относились части одежды, обувь, однолезвийные ножи, тесла, проволочные серьги в виде знака вопроса, обычай нанизывания по две таких серьги на правое ухо, на левое – по одной аналогичных серег, гривны плоской и круглой литой формы. Притом эти серьги и гривны до XIX в. сохранились только у якутов: гривны считались атрибутом замужних женщин, знаком их зрелости и в какой-то степени знатности. Но до конца XVII в. гривны носили также якутские воины-беги, как у скифов и славян. Деревянный инвентарь пазырыкских курганов находит ближайшую аналогию в посуде из дерева и методах их изготовления у южных алтайцев, тувинцев и якутов. А. П. Окладников полагал, что форма скифских котлов определенным образом повлияла на конфигурацию якутских чоронов, культовых сосудов для кумысов [21]. Они, как и скифские котлы, символизировали единство людей перед богами, их пускали в круговую и кошевое общество пило из них кумыс, любимый и общераспространенный напиток кочевников.

Эти древнейшие истоки в культуре тюркоязычных народов прослеживаются и в их декоративно-прикладном искусстве, испытавшем влияние «звериного стиля»,

этого общего достояния скифо-сибирского времени [31]. В его основу положено изображение реальных или мифических животных в определенной позе или в борьбе между собой. «Звериный стиль» и в целом орнаментика скифов (саков) Горного Алтая оставили след в пережиточной форме и в орнаментально-прикладном искусстве народа саха [31]. На это впервые обратила внимание У. Йоханзен: «Многие якутские узоры, восходят своими корнями к пазырыкским» [36, с. 135].

Известно, что погребальный обряд во всем его комплексе является одним из устойчивых элементов традиционной культуры любого народа и менее всего подвержен изменениям. С этой позиции, со скифской эпохой Алтая связывают древнетюркский погребальный обряд с конем. В VI-IX вв. центром распространения такого обряда по-прежнему остается Горный Алтай. С VI в. этот обряд распространяется на широкой территории в пределах Первого тюркского каганата [37].

Интересные совпадения обнаруживаются в деталях обряда погребения с конем у якутов XVII-XVIII вв. и древних горноалтайцев IV-III вв. до н. э.: коней располагали на правом или на левом боку, на животе головой, направленной на запад, их одинаково покрывали берестяными полотнами и настилем из тонких бревен. В связи с этим определенный интерес представляют принадлежавшие сакам конские захоронения, обнаруженные на Памире в районе Жайбах и в Семиречье, в курганах могильника Джубан-тобе. В них сооружались, как и у якутов XVIII в., две могилы: в одной человеческое захоронение, а в другой – конское [21]. С методической точки зрения такие прямые сопоставления возможны только через древнетюркские преломления, так как для них (тюгу и якутов) эти истоки являются общими.

В урочище Алаас эбэ Чурапчинского района Якутии, где раскопан в конце 1970-х гг. один из комплексов погребения с конем XVIII в., около надмогильного сооружения некогда были выставлены 12 чучел лошадей белой масти. Они казались издали скачущим табуном [38]. Это можно сопоставить с теми обычаями, о которых писал Геродот, когда на могилах скифской знати устанавливались чучела умерщвленных лошадей и всадников [39].

Еще одна интересная особенность прослежена в пазырыкских курганах Алтая. Это меты-надрезы на ушах погребенных лошадей [40]. С ними можно связать якутский обычай, по которому обрезки от ушей жеребят нанизывали на шнурок. Таких меченых животных не уступали ни на каких условиях: существовало поверье, что «на том свете надо будет ездить на них... и они должны быть убиты при погребении своего владельца» [41, с. 15-16].

Кроме якутов, такой обычай существовал у осетин, произошедших от скифов. У лошади отрезали ухо в знак того, что «она и на том свете будет ему служить» [42, с. 2].

Мировоззрение индоиранцев, ближайших родственников саков-скифов, в дальнейшем оказало существенное влияние на духовный мир ранних кочевников степей и через них на культуру древних тюрков. Так, с этим необходимо связать наличие у тюркоязычных народов Сибири развитого почитания коня, основы которого ярко проявились еще в I тыс. до н. э. в среде ираноязычных племен.

Древнетюркские религиозно-мифологические представления известны в основном из эфитапических записей, имеют центральноазиатскую основу, условно обобщенные термином тенгрианство (культ неба). В частности М. Ряснен считал слово *Tenri* китайским заимствованием. Того же мнения придерживался и Г. И. Рамстедт [8]. У современных тюркских народов Южной Сибири сохранилась концептуальная основа древне-тюркской религии [43-44]. В мифологиях этих народов влияние индоевропейской мифологии четко не проявляется. Другое дело у якутов, у которых в религиозно-мифологических представлениях сохранились сюжетные фрагменты мифологии древних индоевропейцев. Так, в частности, в мифологии народа саха создателями Вселенной выступает триада богов, что является довольно распространенным мотивом в индоевропейской мифологии. Мир, сотворенный триадой богов, состоял в начале из неба, которое было как маленькое кольцо, и Земли, похожей на большой четырехугольный коврик. Позже Земля стала значительно увеличиваться, растягиваясь [45]. Нечто подобное встречается в древнеиранской мифологии, где излагается тема постепенного взращивания мира [46]. В связи с этим следует вспомнить индоевропейскую традицию обозначить небо кругом, а землю – квадратом.

В Южной Сибири, особой скифо-сибирской провинции, культ коня и солнца, как отмечалось выше, получил широкое распространение в VII-IV вв. до н. э. Поэтому конь в верованиях тюркоязычных народов Сибири занимает большое место. Причем среди них, по утверждению Л. П. Потапова, культ коня лучше всего сохранился у якутов. «В нем наблюдаются многие черты, уже либо полностью исчезнувшие из данного культа у народов Саяно-Алтая, либо оставшиеся у них в столь ослабленном виде, что понять их можно лишь при помощи якутского материала» (47, с. 165). Как бы подтверждая это, Д. С. Дугаров отмечает, что у якутов слово ««джагыл» означает пятна в масти лошади около передних лопаток и на шее, которые в религиозных представлениях якутов символизируют крылья коня. Это – древнеиранский образ коня» [48, с. 147-148].

В эпосе олонхо Вселенная уподобляется прекрасному жеребцу в расцвете сил – *айгыр силик*. Близкие представления зафиксированы у древних ариев – ночное небо отождествляли с черным конем, украшенным жемчужинами. В древнеиндийских текстах пишется о том, что из частей тела, принесенного в жертву первородного коня, произошли элементы Вселенной. Вообще следует отметить, что конь у древних индоевропейцев являлся «зооморфным образом всего Космоса» [49, с. 31].

В якутском эпосе древнее божество в образе коня-неба называется *түөрт атахтаах түргэн айыы* – быстрее четырехное божество-творец.

На основании этих данных становится понятным внутреннее значение одного интересного обряда, описанного в «Ригведе»: чтобы получить царское достоинство и могущество, ведийский царь на год выпускал на волю своего лучшего жеребца белой масти. Близкий к нему обряд – *ызык, ыдык* «посланный от бога» – существовал у тюркоязычных народов Южной Сибири. У якутов он назывался *ытык сылгы* «священный конь», предназначенный небесным божествам. Кроме того, якуты в старину божеству солнца *Юрюнг Айыы тойону* выбирали в жертву белую лошадь, а у алтайцев – *Ульгэну*. Древний аналог этого обряда существовал у персов, которые приносили в жертву божеству солнца *Mitra* белых коней [50].

До широкого распространения культа коня в евразийских степях в мифологии индоевропейцев бронзовой эпохи одно из центральных мест занимал культ оленя. Его образ в форме летящего оленя со стилизовано-гипертрофированными развевающимися рогами зафиксирован в скифо-сибирском «зверином стиле» и на «оленных камнях» – каменных плитах-стелах. В них олень выступает как символ солнца. В Древнем Иране скифов называли *саками* (*saka* «олень»). При этом слово *sakh=saka* с древнеиранского переводится как «ветвь» или «ветвистый» (оберегиносказание). На древнеиндийском передается через *sakha* [51]. В якутском языке имеются слова с корнем на *sax*, связанные с понятием «ветвь» [27, стб. 2136]. В старину бытовало слово *sax-xan* «рогатый дух или божество» [27, стб. 2133]. Оно понималось когда-то в былые времена как мифологическое имя солнца [52]. Эти материалы позволяют говорить о том, что у древних предков саха еще сохранялись пережитки культа оленя, олицетворение древнего солнечного божества *Sax*, как индоиранское *sakh = saka*.

Индоевропейские мифологические сюжеты проявляются в якутских мифах об Аар-тойоне, главе якутского пантеона (божества неба), Юрюнг Айыы тойона, божества солнца; в мифах, в которых отражается культ птиц-грифонов, Бай-Барылаах, древнего отголоска индоевропейского грозового мифа

в эсхатологических мифах; в сюжете о четырех ветрах – направлениях Вселенной, о *кырамане*, *карме* и других [50].

Таким образом, в материалах якутской мифологии в фрагментарной форме сохранились некоторые мифологические сюжеты древних индоевропейцев. Это, кроме вышеприведенного, еще мифы о Мировом дереве, богине Земли, о божестве *Улуу тойон*, осуществляющего равновесие космических сил природы и земли; о «солнечных нитях», о небесных жрицах *Айыы Намсыр удаганках*. Особое место среди мифов занимают эпические сюжеты о зверях-птицах, которые как бы отражают религиозно-мифологическую идеологию раннего кочевничества времен скифо-сибирского мира Южной Сибири и Центральной Азии («звериный стиль»).

Возможно, якутско-индоиранские (шире – тюркоязычных народов Южной Сибири) культурные, религиозно-мифологические параллели можно объяснить типологическими аспектами. Тем не менее, большинство приведенных выше параллелей (в том числе языковые) говорит о том, что скифо-сибирская эпоха, возможно, через переходное гунно-сарматское время оказала существенное влияние на формирование древнетюркской культуры.

Вышеприведенные материалы дают возможность, с одной стороны, еще раз констатировать тот факт, что многие стороны культуры скифского времени Саяно-Алтая и Минусинской котловины прослеживаются в культуре последующих поколений кочевых и полукочевых скотоводов. Из современных тюркоязычных наследников этой древней степной культуры ранних кочевников многие ее основы сохранились, прежде всего, у народа саха. Этот «дотюркский» южносибирский субстрат в якутской культуре указывает на самые древние «подпочвенные» истоки, отражающие ее «доэтническое» состояние. Именно тогда создавались предпосылки «стартовых» компонентов будущей древнетюркской этнокультуры и в целом современных тюркоязычных народов Сибири, Казахстана и Киргизии.

С другой стороны, эта сохранившаяся связь традиционной культуры тюркоязычных народов Сибири, прежде всего, народа саха, со скифо-сибирской эпохой (условно «индоиранской») могла частично сохраниться благодаря тому, что, в этногенезе якутов приняли участие какие-то ранние, по всей вероятности, тюркские этногруппы, испытавшие влияние саков-пазырыкцев Горного Алтая. При этом следует учесть и то, что саки являлись брахикранными европеоидами с широким и несколько уплотненным лицом и средневыступающим носом [54]. По топонимистическим данным, язык саков северо-восточного Алтая, видимо, являлся значительно архаичным [53]. Следовательно, в силу

своей архаичности этот североиранский язык сохранял реликты общеарийской общности. Тем более отделение протосаков от остальных ираноарийцев произошло не позднее первой половины I тыс. до н. э. [18]. Учитывая при этом факт близости сакского с языком авестийских иранцев, можно подчеркнуть его близость и с языком ведических ариев. Возможно, поэтому в якутской культуре и языке сохранились некоторые субстратные элементы, по всей вероятности, возникшие еще в эпоху общеарийской общности. В связи с этим уместно привести мнение акад. О. Н. Бетлингга о том, что «ослабление основы, аналогично санскритскому..., в высшей степени излюблено в якутском языке» [55, с. 35] (он являлся санскритологом). По мнению акад. В. В. Радлова, первоначально язык саха принадлежал к какому-то неизвестному языку нетюркского происхождения [56]. С этим согласна и часть современных тюркологов: «Следует учесть, – пишут они, – особенности якутской фонетики, развивавшийся в условиях иноязычной, нетюркской среды» [8, с. 328-329].

Заключение

Таким образом, скифо-сибирские индоевропейские привнесения в этногенезе древних тюрков и этнически связанных с ними тюркоязычных народов Сибири, оказали существенную роль и стали частью формативной базы для их сложения. Это влияние проявляется в определенной части материальной культуры (обувь, головные уборы, провололочные серьги в виде знака вопроса, гривны, пережитки «звериного стиля», орнаментальное искусство), в основе «коневодческой» мифологии и части религиозных представлений, в истоках погребального обряда с конем, частично повлияло также на древнетюркскую лексику. А сама скифо-сибирская эпоха, являлась частью древней индоевропейской общности Евразии, представляла ответвление древней индоиранской этнокультуры.

Литература

1. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. – М.-Л., 1952.
2. Гоголев А. И. Истоки этногенеза тюркоязычных народов Сибири // Тюркология – 88: Тезисы докл. V Всесоюз. Тюрколог. конференц. – Фрунзе, 1988.
3. Еремеев Д. Е. «Тюрк» – этноним иранского происхождения (К проблеме этногенеза древних тюрков) // Советская этнография, 1990. – № 3.
4. Савинов Д. С. Археологические материалы о южном компоненте в культурогенезе якутов // Северо-Восточный гуманитарный вестник, 2013. – № 2.
5. Дыбо А. В., Хисамитдинов Ф. Г. Башкирский язык в системе алтайских языков // Проблемы Востоковедения, 2009. – № 4 (46).

6. Мурзаев Э. М. Центральная Азия // Зарубежная Азия. Физическая География. – М., 1956.
7. Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. – М., 1980.
8. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Пратюркский язык. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М., 2006.
9. Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи Евразии. – СПб., 2004.
10. См.: История Сибири. – Т.1. – Л., 1968.
11. Кузьмина Е. Е. Происхождение индоарийцев в свете новейших археологических данных // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности. – М., 1981.
12. Членова Н. Л. Происхождение и ранняя история племен татарской культуры. – М., 1967.
13. Членова Н. Л. Татарская культура на Енисее // Материалы по древней истории Сибири. – Улан-Удэ, 1964.
14. Малолетко А. М. Топонимы большереченского времени в бассейне Верхней Оби // Исторические чтения памяти Грязнова М. П. / Тезисы докл. – Омск, 1987. – 138 с.
15. Малолетко А. М. Топонимистические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Евразии / Тезисы докл. Ч. II. – Кемерово, 1987.
16. Алексеев В. П., Гохман И. И., Тумэн Д. Краткий очерк палеоантропологии Центральной Азии // Археология, этнография и антропология Монголии. – Новосибирск, 1987.
17. Новгородова Э. А. Ранний этап этногенеза народов Монголии (конец III-I тыс. до н. э.) // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности, Труды Международного симпозиума по этническим проблемам истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М., 1981.
18. Абаев В. И. Доистория индоариев в свете ариоуральских языковых контактов // Этнические проблемы истории Центральной Азии в древности (II тыс. до н. э.). – М., 1981.
19. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада. – М., 1965.
20. Дыбо А. В. Ранние контакты тюркских народов по данным языка // Адаптация народов и культур к изменениям природной среды, социальным и техногенным трансформациям (К 70-летию Тишкова Е. А.). – М., 2010.
21. Гоголев А. И. Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. – Якутск, 1993.
22. Сидоров Е. С. Санскритско-якутские лексические параллели. – Якутск, 1992.
23. Гаджиева Н. З. К вопросу о классификации тюркских языков и диалектов // Теоретические основы классификации языков мира. – М., 1980.
24. Елизаренкова Т. Я. Ведийский язык. – М., 1987.
25. Барроу Т. Санскрит / Пер. с англ. – М., 1976.
26. Бонгард-Левин Г. М., Гуров Н. В. Древнейшая этнокультурная история народов Индостана: итоги, проблемы, задачи исследования // Древний Восток. Этнокультурные связи. – М., 1988.
27. Пекарский Э. К. Словарь якутского языка. 2-е изд. – Л., 1957.
28. Попов Г. В. Слова «неизвестного происхождения» якутского языка (сравнительно-историческое исследование). – Якутск, 1986. – С.70-71.
29. Фефелова В. В., Высоцкая Г. С. Изучение распространения антигенов системы HLA у коренных народностей Сибири как основа для анализа этногенеза популяций. Препринт ВЦ СО РАН. – № 12. – Красноярск, 1987.
30. Дьяконова В. П. Некоторые палеоэтнографические черты в традиционной культуре тувинцев // Материальная культура народов Сибири и Севера. – Л., 1976.
31. Гоголев А. И. Скифо-сибирские истоки традиционной культуры якутов // Скифо-сибирский мир. Искусство и идеология. – Новосибирск, 1987.
32. Каралькин П. И. О древнейшем способе доения скота у сибирских кочевников (по материалам Алтая и Тувы) // Этнография народов Алтая и Западной Сибири. – Новосибирск, 1976.
33. Вайнштейн С. И. История народного искусства Тувы. – М., 1974.
34. Каплан Н. И. Очерки по народному искусству Алтая. – М., 1981.
35. Короненко В. А. Искусство народов Центральной Азии и «звериный стиль». – М., 2002.
36. Johansen U. Die ornamentik der jakuten. – Gamburg, 1955.
37. Трифонов Ю. И. Об этнической принадлежности погребений с конем древнетюркского времени // Тюркологический сборник 1972. – М., 1973.
38. Гоголев А. И. Археологические памятники Якутии позднего средневековья (XIV-XVIII вв.). – Иркутск, 1990.
39. Геродот. История. – М., 1982.
40. Руденко С. И. Горноалтайские находки и скифы. – М-Л., 1952.
41. Павлинов Д. М., Виташевский Н. А., Левенталь Л. Г. Материалы по обычному праву и общественному быту якутов. – Л., 1929.
42. Калоев Б. А. Обряд посвящения коня у осетин. Препринт. – М., 1964.
43. Алексеев Н. А. Ранние формы религии тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1980.
44. Алексеев Н. А. Шаманизм тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск, 1984.
45. Линденау Я. И. Описание народов Сибири (первая половина XVIII в.) / Пер. с нем. Титовой З. Д. – Магадан, 1983.
46. Литература Древнего Востока. Тексты. – М., 1984.
47. Потапов Л. П. Конь в верованиях и эпосе народов Саяно-Алтая // Фольклор и этнография. Связи фольклора с древними представлениями и обрядами. – Л., 1977.
48. Дугаров Д. С. Что такое загалмай? (К вопросу о происхождении культа крылатого коня у тюркоязычных народов) // Тюркология-88. – Фрунзе, 1988.
49. Акишев А. К. Искусство и мифология саков. – Алма Ата, 1987. – С. 31.

50. Гоголев А. И. Истоки мифологии и традиционный календарь якутов. – Якутск, 2002.
51. Гамквалидзе Т. В., Иванов В. В. Индоевропейские языки. – Тбилиси, 1984. – Т.2.
52. Ксенофонов Г. В. Хрестес. Шаманизм и христианство. – Иркутск, 1929.
53. Заднепровский Ю. А. Взаимодействие кочевников и древних цивилизаций и этническая история Средней Азии // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. – Алма-Ата, 1989.
54. Малолетко А. М. Топонимические свидетельства пребывания саков на Алтае // Проблемы археологии степной Евразии: Тезисы докл. Ч. II. – Кемерово, 1987.
55. Бетлингк О. Н. О языке якутов / Пер. с нем. Рассадина В. И. – Новосибирск, 1989.
56. Radlobb W. Die jakutische spvache in ihrem Verh. Veralnisseru den turksprachen. Abteulung history.-filol., T.VIII. No.7.spx.: Kaiser-lichen. Akad. Wissenschaft, 1908. – S. 56-57.

References

1. Rudenko S. I. Gornoaltajskie nahodki i skify. – M-L., 1952.
2. Gogolev A. I. Istoki jetnogeneza tjurkojazychnyh narodov Sibiri // Tjurkologija – 88: Tezisy dokl.V Vsesojuz. Tjurkolog. konferenc. – Frunze, 1988.
3. Eremeev D. E. «Tjurk» – jetnonim iranskogo proishozhdenija (K problem jetnogeneza drevnih tjurkov) // Sovetskaja jetnografija, 1990. – № 3.
4. Savinov D. S. Arheologicheskie materialy o juzhnom komponente v kul'turogeneze jakutov // Severo-Vostochnyj gumanitarnyj vestnik, 2013. – № 2.
5. Dybo A. V., Hisamitdinov F. G. Bashkirskij jazyk v sisteme altajskih jazykov // Problemy Vostokovedenija, 2009. – № 4 (46).
6. Murzaev Je. M. Central'naja Azija // Zarubezhnaja Azija. Fizicheskaja Geografija. – M., 1956.
7. Viktorova L. L. Mongoly. Proishozhdenie naroda i istoki kul'tury. – M., 1980.
8. Sravnitel'no-istoricheskaja grammatika tjurkskih jazykov. Prattjurkskij jazyk. Kartina mira prattjurkskogo jetnosa po dannym jazyka. – M., 2006.
9. Kljashtornyj S. G., Savinov D. G. Stepnye imperii Evrazii. – Spb., 2004.
10. Istorija Sibiri. – T. 1. – L., 1968.
11. Kuz'mina E. E. Proishozhdenie indoarijcev v svete novejshih arheologicheskikh dannyh // Jetnicheskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti. – M., 1981.
12. Chlenova N. L. Proishozhdenie i rannjaja istorija plemen tatarskoj kul'tury. – M., 1967.
13. Chlenova N. L. Tatarskaja kul'tura na Enisee // Materialy po drevnej istorii Sibiri. – Ulan-Udje, 1964.
14. Maloletko A. M. Toponimy bol'sherechenskogo vremeni v bassejne Verhnej Obi // Istoricheskie chtenija pamjati Grjaznova M.P. / Tezisy dokl. – Omsk, 1987. – S. 138.
15. Maloletko A. M. Toponimisticheskie svidetel'stva prebyvanija sakov na Altae // Problemy arheologii stepnoj Evrazii / Tezisy dokl. Ch. II. – Кемерово, 1987.
16. Alekseev V. P., Gohman I. I., Tumjen D. Kratkij ocherk paleoantropologii Central'noj Azii // Arheologija, jetnografija i antropologija Mongolii. – Novosibirsk, 1987.
17. Novgorodova Je.A. Rannij jetap jetnogeneza narodov Mongolii (konec III -I tys. do n. je.) // Jetnicheskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti, Trudy Mezhdunarodnogo simpoziuma po jetnicheskim problemam istorii Central'noj Azii v drevnosti (II tys. do n. je.). – M., 1981.
18. Abaev V. I. Doistorija indoarijev v svete ario-ural'skih jazykovyh kontaktov//Jetnicheskie problemy istorii Central'noj Azii v drevnosti (II tys. do n. je.). – M., 1981.
19. Abaev V. I. Skifo-evropejskie izoglossy na styke Vostoka i Zapada. – M., 1965.
20. Dybo A. V. Rannie kontakty tjurkskih narodov po dannym Jazyka // Adaptacija narodov i kul'tur k izmenenijam prirodnoj sredy, social'nym i tehnogennym transformacijam (K 70-letiju Tishkova E. A.). – M., 2010.
21. Gogolev A. I. Jakuty: problemy jetnogeneza i formirovanie kul'tury. – Якутск, 1993.
22. Sidorov E. S. Sanskritsko-jakutskie leksicheskie paralleli. Якутск, 1992.
23. Gadzhieva N. Z. K voprosu o klassifikacii tjurkskih jazykov i Dialektov // Teoreticheskie osnovy klassifikacii jazykov mira. – M., 1980.
24. Elizarenkova T. Ja. Vedijskij jazyk. – M., 1987.
25. Barrou T. Sanskrit / Per.s angl. – M., 1976.
26. Bongard-Levin G. M., Gurov N. V. Drevnejshaja jetnokul'turnaja istorija narodov Indostana: itogi, problemy, zadachi issledovanija // Drevnij Vostok. Jetnokul'turnye svjazi. – M., 1988.
27. Pekarskij Je. K. Slovar' jakutskogo jazyka. 2-e izd. – L., 1957.
28. Popov G. V. Slova «neizvestnogo proishozhdenija» jakutskogo jazyka (sravnitel'no-istoricheskoe issledovanie). – Якутск, 1986. – S. 70-71.
29. Fefelova V. V., Vysockaja G. S. Izuchenie rasprostranenija antigenov sistemy HLA u korennyh narodnostej Sibiri kak osnova dlja analiza jetnogeneza populjacij. Preprint VC SO RAN. – № 12. – Krasnojarsk, 1987.
30. D'jakonova V. P. Nekotorye paleojetnograficheskie cherty v tradicijnoj kul'ture tuvincev // Material'naja kul'tura narodov Sibiri i Severa. – L., 1976.
31. Gogolev A. I. Skifo-sibirskie istoki tradicijnoj kul'tury jakutov // Skifo-sibirskij mir. Iskusstvo i ideologija. – Novosibirsk, 1987.
32. Karal'kin P. I. O drevnejšem sposobe doenija skota u sibirskih kochevnikov (po materialam Altaja i Tuvy) // Jetnografija narodov Altaja i Zapadnoj Sibiri. – Novosibirsk, 1976.
33. Vajnshtejn S. I. Istorija narodnogo iskusstva Tuvy. – M., 1974.
34. Kaplan N. I. Ocherki po narodnomu iskusstvu Altaja. – M., 1981.
35. Koronenko V. A. Iskusstvo narodov Central'noj Azii i

- «zverinyj stil'». – M., 2002.
36. Johansen U. Die ornamentik der jakuten. – Gamburg, 1955.
37. Trifonov Ju. I. Ob jetnicheskoj prinadlezhnosti pogrebenij s konem drevnetjurkского vremeni // Tjurkologicheskij sbornik 1972. – M., 1973.
38. Gogolev A. I. Arheologicheskie pamjatniki Jakutii pozdnego srednevekov'ja (XIV-XVIII vv.). – Irkutsk, 1990.
39. Gerodot. Istorija. – M., 1982.
40. Rudenko S. I. Gornoaltajskie nahodki i skify. –M-L., 1952.
41. Pavlinov D. M., Vitashevskij N. A., Levental' L. G. Materialy po obychnomu pravu i obshhestvennomu bytu jakutov. – L., 1929.
42. Kaloev B. A. Obrjad posvjashhenija konja u osetin. Preprint. – M., 1964.
43. Alekseev N. A. Rannie formy religii tjurkojazychnyh narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1980.
44. Alekseev N. A. Shamanizm tjurkojazychnyh narodov Sibiri. – Novosibirsk, 1984.
45. Lindenau Ja. I. Opisanie narodov Sibiri (pervaja polovina XVIII v.) / Per. s nem. Titovoj Z. D. – Magadan, 1983.
46. Literatura Drevnego Vostoka. Teksty. – M., 1984.
47. Potapov L. P. Kon' v verovanijah i jepose narodov Sajano-Altaja // Fol'klor i jetnografija. Svjazi fol'klora s drevnimi predstavlenijami i obrjadami. L., 1977.
48. Dugarov D. S. Chto takoe zagalmaj? (K voprosu o proishozhdenii kul'ta krylatogo konja u tjurkojazychnyh narodov) // Tjurkologija-88. – Frunze, 1988.
49. Akishev A. K. Iskusstvo i mifologija sakov. – Alma Ata, 1987. S.31.
50. Gogolev A. I. Istoki mifologii i tradicionnyj kalendar' jakutov. – Jakutsk, 2002.
51. Gamkralidze T. V., Ivanov V. V. Indoevropskie jazyki. – Tbilisi, 1984. – T.2.
52. Ksenofontov G. V. Hrestes. Shamanizm i hristianstvo. – Irkutsk, 1929.
53. Zadneprovskij Ju. A. Vzaimodejstvie kochevnikov i drevnih civilizacij i jetnicheskaja istorija Srednej Azii // Vzaimodejstvie kochevyh kul'tur i drevnih civilizacij. – Alma-Ata, 1989.
54. Maloletko A. M. Toponimicheskie svidetel'stva prebyvanija sakov na Altae // Problemy arheologii stepnoj Evrazii: Tezisy dokl. Ch.II. – Kemerovo, 1987.
55. Betlingk O. N. O jazyke jakutov / Per. s nem. Rassadina V. I. – Novosibirsk, 1989.
56. Radlobb W. Die jakutische spvache in ihrem Veren Veralnisseru den turksprachen. Abteulung history.-filol., T.VIII.No.7.spx.: Kaiser-lichen. Akad. Wissenschaft, 1908. – S.56-57.

